

4. РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Г. МЯСНИКОВ

(Пензенский педагогический университет)

Борьба за Канта продолжается, или О современной стерилизации практического разума

Интерес к практической философии Иммануила Канта удивительным, а может быть, закономерным образом повышается в переломные моменты европейской истории и, конечно, в канун юбилейных дат. Современное же наше положение соединяет оба эти условия, а потому порождает не просто познавательный интерес, а настоящую борьбу за кантовскую философию, за право ее толковать или использовать по собственному намерению.

Одной из арен такой борьбы стала книга А.К. Судакова «Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон», подготовленная в Институте философии РАН и опубликованная в 1998 году.

Чтобы сразу выделить основные направления «военных действий» в отношении кантовской практической философии, я обращаю внимание читающей публики на обозначения, эпитеты, или, точнее, ярлыки, которые автор пытается ей приписать. Перечислю их:

«Догматизирующая философия автономии», «философия рафинированного эвдемонизма», «метафизика догматического гуманизма», «этика рассудительной благотворительности», «догматический персонализм», «физика нравов», «субъективная теория ценности», «не отрефлектировавшая свои основания теория нравственности», «наследство метафизического

индивидуализма», «люцефирическое наваждение радикально-перспективизма», «спекулятивное самоедство» и другие.

После таких наименований, похожих на инквизиторские приговоры, в моем воображении появляется отчетливый образ эдакого воинствующего испанского инквизитора XVI века, на расстоянии чующего «нечистую» силу в «доме» кантовской философии. Он запирает философа в «комнатке» под названием «Основоположение к метафизике нравов» (именно это сочинение анализируется во всей книге) и начинает допрос с пристрастием. Я не буду описывать все «пристрастия», которые использовал наш «инквизитор», упомяну лишь главный вопрос, из-за которого он поднял Канта «на дыбу» и сам же ответил на него, потому что философ уже не мог этого сделать.

Вопрос: Почему ты не стал богословом?

Ответ: «Недорефлектировал»!

Прошу меня извинить за такие страшные образы, но они вызваны прочтением именно этой книги, очень тяжелой по языку, загроможденной немецкими грамматическими построениями, а потому, чтобы дочитать ее до конца, требуется стиснуть зубы и напрячь всю силу воли. Но печальным оказывается то, что последующего катарсиса-очищения не наступает: бремя написанного повисает над читателем, подобно ярму, и «страхнуть» его можно только откровенным отзывом.

Итак, перейдем к самой нравственно-практической философии Канта, которая подверглась настоящей «стерилизации» со стороны российского нравственного богослова Андрея Судакова. Кант обвиняется им по многим пунктам, и в качестве общего приговора можно считать следующее высказывание: «Кантова этика категорического императива, рассмотренная нами до сих пор (на материале “Основоположения к метафизике нравов”) в ее чистой части, этому нравственному идеалу абсолютного Царства положительных свобод не отвечает». (с. 192). То есть моральная философия Канта является не такой, какой бы ее хотел видеть наш отечественный переводчик, богословствующий кантовед.

И действительно это так. Кант не философствует об «абсолютном Царстве» со времен написания «Критики чистого разума», в которой он четко указал границы применения теоретического разума и дал опровержение всех рационально-теоретических доказательств бытия бога. С этим достижением человеческого разума не хочет смириться автор книги. Андрей Судаков намерен раскрыть ошибки, непонимания Канта и в «Критике чистого разума», начиная с того, что «идея» может быть воплощена в действительности, конечно, не силами человека, а с божьей помощью, и заканчивая тем, что для «религиозной нравственности», по его мнению, оказываются «невозможными и чисто теоретические опровержения абсолюта, которые как таковые всегда вынуждены прежде предположить его, хотя бы и не в чистом виде, и которые, предполагая его неполным понятием, понятием недостаточно реальным и в каком бы то ни было отношении несвободным, оказываются постольку на порядок ниже» (с. 162).

Уже в этом фрагменте видно, что автор книги пытается вернуться к раннесредневековой христианской апологетике и воскликнуть: «Бог есть!» – и сразу же после этого признания мучительно искать разумные подтверждения этой абсолютной для него истины.

Я не сомневаюсь, что для Андрея Судакова бог действительно существует; возможно даже, что это личный подвиг его веры; но в этом случае мы покидаем область «всеобщего человеческого разума» и остаемся – каждый при своем боге или без него. На этом философия заканчивается, и начинается борьба убеждений.

Мне не хотелось бы скатываться до этого личностного уровня убеждений и провоцировать конфликтную ситуацию. Моя задача – показать, что автор книги использует практическую философию Канта в своих богословских целях. Наверное, в этом есть смысл миссионерской деятельности христианской церкви, но для философии это неприемлемо, тем более, что сам немецкий философ ревностно отстаивал свое право

быть философом – свободным, честным мыслителем настолько, насколько это позволял ему собственный разум.

Андрей Судаков пытается мыслить «за Канта», выпячивая «намек», раздувая их до нелепостей или (чаще всего) до недо-разумений философа «плоского» Просвещения; т. е. использует весь арсенал настоящего христианского апологета, решившего сделать Канта «своим».

В этом случае борьба разворачивается главным образом за человеческую волю. Какой ей быть? Автономной, всеобщей, самозаконной и, следовательно, свободной – моральной волей; или же, чтобы быть «подлинно нравственной» (идеально-реальной), говорит Судаков, она должна чувствовать в себе «соприсутствие святой воли», т. е. воли Бога, и тем самым повиноваться ей как верховному главе Царства Божия.

Таким образом, философская борьба опредмечивается в противостояние «свободной воли человека» – у Канта и чисто повинующейся воли – у Судакова. Свобода или повинование (республика или царство) – это не просто тема для размышлений; это проблема практического выбора отдельного человека и всего общества. И то, что автор книги отдает явное предпочтение «подданству», «повиновению», «Царству», для меня свидетельствует о скрытом стремлении к несвободному бытию, не к открытому демократическому обществу, а к теократии, российскому монархизму, где христианская церковь имела идеологическое господство и служила не людям, а царю-батюшке.

Эти политические следствия «абсолютной нравственности» Судакова, к сожалению, легко привязываются к новому российскому политическому абсолютизму, который не хочет наделять народы России свободной, реальной правоспособностью, потому что они якобы не могут стать «подлинно свободными», как, например, чеченский народ. «Зачем эти грубые выходы к современной жизни, такой несовершенной и многострадальной? – может спросить чистый нравственный богослов, тем более, что это может быть небезопасным».

Вернемся же к книге, к вопросу о свободе. Как ни странно, автор избегает говорить о человеческой свободе, предпочитая понятия «подданство», «повиновение»; чуть ли не ругательным словом становится у него кантовское понятие «автономии человеческой воли». Судаков вопрошает: «Действительно ли автономия – единственное и подлинное начало безусловной (абсолютной) нравственной воли?» (с. 136). У Канта идет речь об автономии человеческой воли, которая никогда не может стать абсолютной, «святой», «безгрешной», также как и человек никогда не станет богочеловеком, разве что в своем безграничном воображении. Поэтому Кант и настаивает на том, что реальный (плотский), человек наделен практическим разумом для того, чтобы сознавать собственную автономию-независимость «морального образа мыслей» от всех чувственных, материальных склонностей, интересов, мотивов, а также от вызванных ими гипотетических императивов, и по мере своих сил осуществлять ее.

Современный автор мыслит не по-человечески, а по-божески, т. е. «теономно». Точкой отсчета становится не «всеобщий человеческий разум», наличествующий у каждого человека, а «чистая», «святая» воля Бога, взятая как идеал. В этом я вижу проявление гегелевской школы рациональной теологии (воспринятую такими русскими философами, как Соловьев, Ильин, Лосский и др.), которую прошел автор книги и использовать которую очень удобно в борьбе с кантианством, так как проверить эту исходную установку другому мыслителю можно только в том случае, если тот станет ее «исповедовать» – по-другому она не открывается.

Получается, что «нравственное богословие» не для всех разумных существ, а для избранных, в ком «соприсутствует святая воля». Остается только выяснить: в ком именно? Этот вопрос нельзя задавать, потому тогда нам нужно будет исследовать конкретных живых людей, например политиков типа Жириновского, Явлинского, Путина, Кобзона, – с тем, чтобы найти у них это «соприсутствие»; или же вопрос относится только к служителям христианской церкви, но и тогда

вряд ли кто из них сразу откажется от своей человеческой природы и признается в своей «подлинной чистоте». Если это не так, то зачем Судакову говорить о реальности «нравственного богословия» и «святой воли»? — Значит, только для того, чтобы создать некоторое мистическое (абсолютно замкнутое, наподобие лейбницевой монады) «Царство святых волей». Это будет мир «безусловно практического законодательства», в котором «законам воления», говорит автор, «не только возможно быть, но и реально невозможно не быть объективными, более того, безусловными принципами воли» (с. 139). Так и напрашивается сравнение этого рассуждения с онтологическим доказательством бытия бога Ансельма Кентерберийского: понятие о возможности бога предполагает его реальность и даже необходимость его бытия. Наверное, для богословия это доказательство сохраняет свою силу, но для философии со времен Канта оно стало неинтересным и безосновательным.

Автор книги пытается «очистить» этику (науку о должном человеческом поведении) от всего человеческого, что приводит к следующему открытию в кантоведении:

«И так мы по крупицам достигли того, что Кант смущается исповедать прямо: действительно автономна лишь святая воля совершенно независимой, абсолютно доброй личности, которая законодательна для себя метафизически, а для других и только других этически, в полной свободе от интереса, потребности и даже собственной самости. Эта воля в своем законодательстве абсолютно свободна именно потому, что абсолютно свободна, в том числе и от субъективности, от личности, и потому необходимо, будучи личностью, есть также и более чем личность. Говоря короче, абсолютная нравственность в законе автономии есть прерогатива святой Божественной воли, которая стоит во главе всей системы относительных личностей» (с. 145).

Из этого следует, что Кант ошибался, приписывая человеческой воле «подлинную автономию», последняя присутствует не в человеке, а в боге; человеческая воля не может быть

автономной, так как она относительна и всегда гетерономна. Поэтому, чтобы быть нравственным, человек должен искать бога и быть религиозным.

Именно с этой мировоззренческой позицией в свое время боролся Кант, а теперь ее пытаются приписать философу в качестве его собственной не-до-думанной мысли. Вот если бы он прожил еще лет так сто, то, наверное, додумался бы.

Но Судаков не хочет обвинять в этом самого Канта ни как человека, ни как ученого профессора; во всем виноват «религиозный дух культуры», «характер религиозного сознания культуры, в которой жил и мыслил Кант. И не Канту, – продолжает автор книги, – во всяком случае, было изменить этот господствующий дух культуры; едва ли посильно и вообще какому ни есть индивиду» (с. 231). Обнаруживается, что Кант «не созрел» до «абсолютной нравственности». Он также не виноват в содеянном и написанном, как и российская власть, удерживавшая свой народ в многовековом рабстве и до сих пор измывающаяся над ним по «не-до-разумению».

Никто ни в чем не виноват!

Правда когда-нибудь восторжествует!

Наступит время Царства Небесного!

Вот вам, уважаемые ученые, философы, и «революция в умонастроении» по-судаковски. От такой «революции» слабые нервные люди начинают потихоньку спиваться или, в лучшем случае, замаливать грехи в ближайшем монастыре, т. е. становятся безропотной массой «подданных» или холопов.

Не хотелось бы завершать свои рассуждения о книге на такой тягостной ноте, но такова мысль – и от нее никуда не денешься, пока не дойдешь до другой, более жизнеутверждающей и оптимистичной.

Стремление к счастью у человека не отменишь, как и внутреннее сознание своего морального долга. А потому борьба за Канта продолжается.